

Печальный акт

Когда популярный артист выступает перед зрителями, его тепло встречают и провожают, его помнят добрым словом в газетной рецензии. Герой нашего фельетона — видный деятель музыкального искусства, но в Горьковской консерватории, где он выступал, его не наградили аплодисментами, а вместо рецензии составили «акт», во многом напоминающий протокол, который обычно появляется на свет в случаях нарушения общественного порядка...

Впрочем, аплодисменты были — в момент появления именитого московского гостя на эстраде концертного зала консерватории. Были и дифирамбы, — на них не поспешил в своем вступительном слове заместитель директора консерватории проф. Полферов. Дифирамбы явно пришлись по душе гостю, — он тут же заявил, что к сказанному о нем ему добавить нечего.

Но сказать что-нибудь он все же должен был, — для этого и была организована встреча с ним. Каковы последние достижения советской музыкальной культуры, как работает он, гость, над своими песнями, как он расценивает произведения своих коллег-композиторов, — словом, педагоги и студенты консерватории хотели узнать о музыкальной жизни столицы.

И, тронутый гостеприимной встречей, гость решил удовлетворить любознательность слушателей. Начал он с того, что сообщил аудитории не опубликованные до сих пор подробности своей биографии. Так, горьковчане первыми в стране узнали, что любимым уголком гостя в Москве является... ресторан ВТО.

— Я там часто бываю. У меня там свой столик, и меня там все знают, но в Москве, — сокрушенно констатировал гость, — творчески работать невозможно. Мой враг № 1 — телефон, враг № 2 — бесконечные заседания, совещания, прослушивания, обсуждения. Сочиняю я вне Москвы, и все мои лучшие сочинения написаны вне Москвы.

Раскрыв таким образом тайны своего творческого процесса, оратор перешел к следующему разделу доклада — о планах на будущее.

— Я мог бы написать оперу, но нет хорошего либретто. Вот мне из Ленинграда прислали оперное либретто. Но как писать, когда героиня в первом акте ставит рекорд, во втором — рекорд, в третьем — рекорд... Я хочу написать оперу о сильных чувствах, о любви, о женщине. Хочу написать «Кармен».

Итак — «Кармен». А, впрочем, может быть, не стоит вступать в соревнование с Бизе? Может быть, откликнуться на просьбу одного крупного театра и написать балет «Свет»? Это сулит большой гонорар. Но, — в голосе оратора появились скорбные нотки, — как писать о колхозной электростанции? О колхозной электростанции написано шестнадцать повестей, имеются кинофильмы. Сколько же можно?

Значит, «Свет» отпадает. Придется, видимо, приниматься за «Кармен № 2». Нехватит силенок? Хватит!

— Один мой знакомый, — продолжал рассказывать гость, — называл как-то меня Исейк Осипович. Но моя творческая лампа горела и будет гореть...

Охотно верим композитору И. О. Дунаевскому, — многие его произведения заслуженно пользуются популярностью. Но, как бы ни горела «творческая лампа», ее владелец обязан всегда помнить о своей высокой ответственности перед зрителями и перед творческой организацией, которую он представляет. И. О. Дунаевский забыл об этом, он решил, что ему все дозволено, — даже выступать со сцены с обывательской болтовней.

Вот что засвидетельствовали представители дирекции, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций Горьковской консерватории в своем «акте», о котором мы уже упоминали:

«Следует указать, что все выступление И. О. Дунаевского было крайне несерьезным в отношении себя, а также пренебрежительным и недружелюбно-критическим в отношении других композиторов.

Выступление И. О. Дунаевского было политически не выдержанным, антивоспитательным и прямо недостойным народного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии, советского композитора и гражданина».

...Недавно автору этих строк довелось побывать на творческом вечере И. О. Дунаевского в Виннице. Концерт не удовлетворил зрителей. Местная газета «Винницкая правда» в своей рецензии писала, что «концерт надо было иначе организовать, обеспечить другим антуражем». Это замечание вполне справедливо. Но газета зря сожалеет о том, что композитор не поделился со зрителями своими творческими замыслами.

И хорошо, что не поделился. Иначе нам, может быть, пришлось бы говорить не об одном, а о двух печальных «актах», посвященных И. О. Дунаевскому...

И. ВЕРХОВЦЕВ.